



*«Путь пчелы» – идеальный способ, который соединяет в себе хорошие качества и паука и муравья, но в то же время лишен их недостатков. Следуя этим путем, все факты и доказательства необходимо пропустить через призму своего мышления, через свой разум. И только тогда раскроется истина.*

*Фрэнсис Бэкон. Новый органон*





# *1. Победитель*

**Гаага, дворец Оранского, весна 1620 года**

— Что узнал? — Штатгальтер Голландии Мориц Оранский лежал на кровати в мундире и в пыльной обуви, будто только вернулся с учений и сразу лег. Это поразило Жербье: Оранский прежде был болезненно аккуратен.

— Записей о рождении Рубенса, ваша светлость, нет ни в Зигене, ни в Кельне. Проверил все церковные книги и городские реестры, — доложил Жербье.

— Еще что?

— В Саксонии я пытался найти людей, которые были рядом с ее высочеством Анной Саксонской в ее последние годы.

— Месяцы! Моя мать жила в Дрездене последние пять месяцев. — Мориц с трудом поднялся и встал у окна так, чтобы Жербье не видел его лица. — Кто-то еще помнит ее, а? Говори же, чтоб тебя сожрали бесы, — застонал Оранский.

Его мучили боли в боку.

— Живых не нашел, — вздохнул Жербье. И добавил: — Но ведь больше сорока лет прошло, ваша светлость.

— Без тебя знаю, болван, сколько времени прошло, — пробормотал Мориц.

Он тихо барабанил пальцами по витражу, цветные отблески освещали его лицо, очень бледное.

Жербье ждал.

— В доме, кроме самого Рубенса, есть люди, которые могут помнить?

— Скоро узнаем, ваша светлость. Мне удалось подкупить молодую кухарку Рубенсов.

— Пусть выяснит, вспоминают ли в его семье о той истории. Что вообще говорят об этом в Антверпене?

— Ничего не говорят и не интересуются, а я расспрашивал у многих.

— Ладно, слушай внимательно.

Мориц отошел от окна, взял со стола кошелек и, не глядя, бросил его Жербье. Тот подпрыгнул и проворно поймал мошну.

— Не твои! И не бери оттуда! — заорал штатгальтер. — Тебе заплачу отдельно. В Эйндховене на постоялом дворе в пятницу вечером тебя будет ждать аббат Скалья. Деньги отдашь ему. Он много знает уже сейчас о том, что нас интересует, но мы платим ему, чтобы он узнал все, что возможно, а потом забыл об этом. Сам я встретиться с ним не смогу, слишком опасно, иезуиты способны выследить его... или подкупить... или давно подкупили. Аббат работает на всех, на кого только можно. Мне надо, чтобы он собрал все, что говорят и думают об этом деле в Германии и в испанской Фландрии. Скажешь ему про графиню Лалэнг, о том, что Рубенс служил у нее пажом в детстве. Напомнишь: графиня Лалэнг — родственница моего отца. Мне нужно точно знать, чей сын этот художник, почему он такой... такой наглый. Кто его настоящая мать?!

— Считается, что мать Рубенса из торговой семьи, ее звали Мария Пейпелинкс, в Антверпене успехи художника объясняют ее воспитанием. Она была боевая и неглупая женщина, о ней отзываются с уважением.

— Письма при тебе не будет, скажешь аббату одно имя: «Анна». Встретишься с этим священнослужителем столько раз, сколько надо будет. Пусть все, о чем узнает, расскажет тебе, если будут бумаги — пусть отдаст. Еще одно, Жербье. За разглашение государственной тайны уровня первого реестра полагается что?

— Смертная казнь. — Жербье вытянулся по-военному.

— На костре, — сухо уточнил штатгальтер.

— Мне это не грозит, ваша светлость, я — самый верный из ваших слуг и самый сообразительный, — осмелился улыбнуться Жербье.

Но улыбка получилась жалкой.

— Пошел вон, дурак. — Оранский поморщился от боли. — Жербье, стой! Что ты увидел в Мейсенском соборе?

— Вы про место упокоения вашей матери... про могилу ее высочества Анны Саксонской? Плита лежит, но на ней нет никакой надписи, гладкая такая плита, а рядом — саркофаг ее отца. Ну, вашего деда — курфюрста.

Когда Жербье вышел, Мориц обхватил руками живот: боли стали нестерпимыми. Не переставая громко стонать, он схватился за колокольчик, затряс им яростно, потом швырнул в стену. За колокольчиком полетел пустой кувшин.

— Вина! Вина скорее! Полынной настойки еще! И лекаря, быстро, да где вы все?!

И штатгальтер принялся бешено сбрасывать со стола на пол все, что там находилось.

### **Антверпен, май 1620 года**

Тоби Мэтью с веселым любопытством наблюдал за пассажирами лодки, которые вытянули шеи, словно намерились спрыгнуть в воду, больше не в силах терпеть столь медленного приближения к пристани. Гребцы переговаривались и смеялись. Пахло стоячей водой большо-

го порта, рыбой, восточными специями. От вида незнакомого Антверпена, его шпилей и крыш, освещенных солнцем, Тоби охватило приятное чувство: «Что-то роднит Антверпен с Венецией, здесь тоже воздух будто искрится...»

Оказавшись на причале, молодой англичанин пошел в сторону центральной площади, к собору с высокой ажурной башней. Заулыбался, увидев нарядных смешливых девушек, по-видимому, купеческих дочек, — и они помахали ему в ответ. Чувствуя свежий солоноватый ветер, пропахший цветами городских садов, англичанин двигался бодро и чуть не налетел на согбенного старика, идущего ему навстречу.

— Синьор Мэтью, синьор Тоби Мэтью! — позвал старик. Голос у него неожиданно оказался звонким.

— Это я, — удивился англичанин. — Ты кто? — спросил он по-итальянски.

— Слуга синьора Рубенса, Бетс, но дома все зовут меня Птибодэ, так синьор Пьетро Паоло и его брат меня прозвали...

Отвечая, старик не разгибался, а только быстро крутил шеей, подобно птице. Когда он стоял на месте, его седая голова находилась на уровне колен, когда же слуга пошел рядом с Тоби, англичанину показалось, что старик стучит носом по камням мостовой, а видеть он способен только свои башмаки.

Между тем Птибодэ не умолкал:

— Синьор Рубенс послал меня проводить вас в его палаццо. Сам он после мессы отправился к нашему бургомистру, ну, а я сюда... И синьора Изабелла тоже вас ждет, скучно не будет! Но сначала отдохнете с дороги. Дайте сюда, синьор. — Слуга протянул руку и цепко ухватился за небольшой дорожный сундук англичанина.

Тоби Мэтью от неожиданности отдал поклажу, хотя ему трудно было представить, что у старика хватит сил тащить ее.

— А далеко палаццо Рубенса?

— Эту улицу пройти, потом еще одну, свернем направо — и сразу канал Ваппер, а там и наш дом. — Слуга волок сундук, ловко обхватив его одной рукой.

— Тогда я зайду в собор? Снаружи он необычно выглядит. Такой величественный!

— Желаете, чтобы я показал вам работы хозяина, которые внутри? — предложил слуга.

— Тебе не надо отдохнуть?

Тоби Мэтью оглядел старика с сомнением.

— Я не устал, — ответил слуга, снова удивив собеседника звонкостью голоса.

— Скажи, ты итальянец?

— Фламандец, как и синьор Рубенс. Но я учился в Падуде, в университете, да давно это было. Я доктор права. Могу говорить по-немецки, если будет на то ваше желание.

— Нет уж, итальянский привычнее.

Тоби неплохо говорил и по-фламандски благодаря своей кормилице, в свое время сбежавшей в Англию от испанской инквизиции, но решил, что лучше об этом пока промолчать.

С трудом отворяя тяжелую дверь собора, Мэтью вспомнил предупреждение своего патрона: вокруг Рубенса много необычного.

Вот и слуга у Рубенса — вроде на ходу разваливается, страшно даже предположить, сколько ему лет, а разговаривает как молодой, да еще и законник к тому же...

В соборе было безлюдно. Горящие свечи, множество статуй и картин в богатых рамах — это снова напомнило англичанину Италию.

— Вот, посмотрите, синьор. — Бетс оставил сундук у входа и двинулся вдоль пышно украшенных боковых нефов. — Алтарь святого Христофора, который синьор Рубенс создал по заказу гильдии аркебузирова...

«Тот самый», — догадался Тоби.



Старик прошел в глубь собора, а англичанин задержался, оглядывая триптих в приделе святого Христофора.

Карлтон, патрон Тоби, два дня назад рассказывал про выходку Рубенса, связанную с этим алтарем. Карлтон и Тоби Мэтью тогда ужинали вдвоем в таверне и весьма повеселились. Патрон поведал ему, что Рубенс два года мурыжил могущественную гильдию аркебузирв Антверпена, запросил огромную сумму за этот заказ и наконец отдал им три готовые большие картины, но ни на одной из них не было даже маленького изображения святого Христофора — «святого, несущего Христа», покровителя оружейников, ради которого гильдия и заказывала алтарь. Рубенс якобы ответил делегации аркебузирв, явившейся принимать его работу в парадном обмундировании: «Мне нетрудно было бы изобразить то, что вы ожидали, но я решил по-новому подойти к композиции алтаря: все персонажи, которых вы видите, несут в себе Христа». Оружейники изумились, но не посмели спорить с придворным художником эрцгерцогини, наместницы испанского короля. Им пришлось полностью расплатиться. Однако то ли кто-то из них пожаловался бургомистру, то ли Рубенс сам похвастался, как ловко ему удалось провести аркебузирв («у которых вместо головы — шлем»), всучив им работы, отвергнутые другим заказчиком, но над оружейниками в Антверпене смеялись все.

— Таков этот человек, — напутствовал Карлтон своего секретаря перед поездкой, — и ты должен помнить, Тоби, как о связях Рубенса с могущественными персонами, так и о его иногда весьма дерзких поступках. Мне рассказывали, что когда он был деканом гильдии романистов, любителей античности, то по уставу обязан был отчитаться после того, как срок его деканства закончился... А он, а он... — Карлтон закашлялся, даваясь дымом трубки. — А Рубенс сказал, что я, мол, отчитываться не буду, и так слишком много времени и денег потратил на ваши пирушки! А ведь знаешь, малец Тоби, у фламандцев, как и у голлан-

дцев, на каждый чих должна быть составлена бумага, они еще хуже немцев в этом. В гильдии романистов состоят самые уважаемые люди Антверпена, банкиры и купцы! Они не могли успокоиться целый год: как это так — он не представил отчет, положенный по уставу?! Ему плевать на всех, вот как!

Сплетни о Рубенсе распространялись и гильдией художников Антверпена. Простые художники, члены гильдии святого Луки, обязаны выполнять много правил: регистрировать каждого ученика, отчитываться о доходах, подавать в гильдию копии контрактов с заказчиками. А Рубенс высочайшим указом эрцгерцогини, наместницы испанского короля в Брюсселе, был освобожден от всех этих тягот, он даже не должен был платить налоги! Это и порождало завистливые пересуды. В Гааге о Рубенсе постоянно болтал портретист Балтазар Жербье — развязный тип, в последнее время приблизившийся к Морицу Оранскому, правителю Голландии. Жербье писал портреты Оранского и во время сеансов смешил старого вояку разными байками.

На корабле по пути в Антверпен Тоби Мэтью размышлял о своем задании.

Сэр Дэдли Карлтон, посланник его величества короля Англии в Гааге, намекнул, что в случае удачной поездки попробует выхлопотать для Тоби отпуск. До Гааги они пять лет вместе провели в Риме, Карлтон там тоже служил посланником, а молодой Тоби Мэтью трудился его личным секретарем. Служба была приятной: Карлтон большую часть времени посвящал своей страсти: разыскивал и покупал, а иногда просто выменивал на безделицы античные статуи, геммы, бюсты. Тоби составлял и отправлял отчеты и письма в Лондон, остальное время прохлаждался. Перед тем как Тоби поехал в Италию, отец поучал его: «Это хорошо, сын, что удалось пристроить тебя именно к сэру Дэдли Карлтону, поскольку он на хорошем счету у трех главных людей Англии: короля

Якова, Бэкингема и лорда Фрэнсиса Бэкона. Ты будешь заниматься перепиской, и внимательнее всего следи за тем, чтобы ни один из этих троих не охладел к твоему патрону. Если это произойдет, придется искать тебе другое место. А пока Карлтон в фаворе, старайся изо всех сил и помни, что тебе повезло».

«Ну да, повезло, — хмыкнул про себя Тоби. — Не так проста моя служба! Вот если бы тебе, отец, сказали: плыви один в незнакомый Антверпен, иди в дом Рубенса и постарайся разузнать там — правда ли, что лучшие картины мастерской Рубенса пишет его молодой ученик ван Дейк? Попытайся познакомиться с этим ван Дейком и выясни: вдруг его можно переманить в Англию? Еще узнай, можно ли не слишком дорого купить картины мастерской Рубенса для личной коллекции посланника Карлтона? Чтобы потом их перепродать, конечно. Ничего себе задание! Я никогда не был в домах художников, а тут сразу — сам Рубенс...»

Аkkорды органа антверпенского собора, раскатившиеся громом небесным, заставили Тоби нервно вздрогнуть. Птибодэ что-то кричал и размахивал руками, показывая на хоры, но орган звучал с такой мощью, что Тоби Мэтью не мог разобрать слов слуги.

Они выбежали из собора на солнечную площадь.

— Я говорил вам про самое интересное, синьор Мэтью...

— Что это, ради всего святого?

— Органист нашего собора Антверпенской Богоматери — синьор Булл, он тоже англичанин! У него в Лондоне были неприятности с законом, пришлось бежать, и теперь он работает здесь. Джон Булл сочиняет музыкальные пьесы, и мой хозяин дружит с ним, да. Это я попросил его сыграть для вас!

— Напугал ты меня до полусмерти, старик, своей музыкой, — усмехнулся Тоби.

## Ратуша Антверпена, май 1620 года

— Картины, перед тем как передать заказчику, я сам подправляю и прописываю. Все знают об этом, иезуиты тоже знают. — Рубенс недовольно скривил рот. — Чего им еще надо?

— Вы поймите, договор сочинял не я, просто отца Террина нет сейчас в городе, и вполне естественно, что он попросил меня быть посредником. Сумма заказа предполагается немалая, даже для такого известного художника... — Бургомистр чувствовал, что оправдывается, и его это раздражало.

— Лучшего.

— Для такого художника, как вы.

Бургомистру Антверпена Роккоксу не хотелось ссориться с Рубенсом, даже спорить не было желания. Но глава ордена иезуитов Антверпена — человек важный, ему тоже надо идти навстречу...

Недовольство Рубенса вызвали две фразы договора:

*«В-третьих, вышеупомянутый Рубенс собственноручно исполнит еще одну картину для одного из боковых алтарей оной церкви...»*

*«В-седьмых, Отец Настоятель в удобное время закажет господину ван Дейку картину для одного из боковых алтарей оной церкви...»*

Это означало, по мнению художника, что иезуиты ставят его, Рубенса, на одну доску с двадцатилетним ван Дейком! Мало того, отец Террин хочет, чтобы их картины висели недалеко друг от друга: каждый прихожанин будет иметь возможность их сравнить.

Рубенс настаивал, чтобы в договоре написали иначе, хотя бы так:

*«Упомянутый господин Рубенс обязуется собственноручно исполнить эскизы малого размера для всех 39 картин, затем дать ван Дейку и всем другим своим ученикам исполнить их»*